

Виллард Ван Ормен Куайн родился 25 июня 1908 года в Огайо, в районе Великих Озер. Начало академической карьеры Куайна связано с исследованиями в области математической логики. Его взгляды формировались под влиянием “Principia Mathematica” Рассела и Уайтхэда. По собственному признанию, Куайна привлекала тогда не философская, а именно математическая сторона проблемы, поскольку она в меньшей степени является вопросом личного мнения. *Прояснять, а не доказывать: основываться на доказательстве - вот задача и цель математики.*

Вскоре после защиты диссертации Куайн существенно переменял свои взгляды относительно философии. Причиной послужило его длительное пребывание в Европе в 1932-33 годах, где он познакомился с членами Венского кружка Филиппом Франком, Морицем Шликом, Куртом Геделем и представителем Львовско-Варшавской школы Альфредом Тарским. Наиболее важным оказалось его знакомство с Рудольфом Карнапом, от которого Куайн, по его собственным словам, приобрел больше, чем от любого другого философа. По возвращении в Гарвард он постоянно обращается к книге Карнапа “Логическая структура мира” и отзывается о ней как о выдающемся произведении. Это не мешало ему критически оценивать ряд выводов, сделанных Карнапом. Куайну был симпатичен методологический пафос философии логического позитивизма; но эмпиризм, провозглашаемый его сторонниками, он считал непоследовательным и недостаточным.

С методологической точки зрения философию Куайна можно было бы определить как проект радикализации эмпиризма, заложенного в исследовательской программе логических позитивистов. Инструментом такой радикализации послужили две характерно американские теории - прагматизм и бихевиоризм.

После смерти Вильяма Джеймса в 1910 году лидером прагматистской школы фактически становится Джон Дьюи, Куайн слушал Дьюи в Гарварде в 1931 году, когда тот читал первую серию лекций имени Вильяма Джеймса. Более тридцати лет спустя Куайн читал первые лекции имени Джона Дьюи в университете Колумбия. Он сказал, что обязан Дьюи натурализмом, доминировавшим в его философии последние три десятилетия его жизни вплоть до смерти в 1952 году. Прагматизм для европейской философии был недостаточно погружен в современную философскую проблематику. Благодаря Дьюи прагматизм в сфере фундаментальных философских дисциплин принял более утонченную форму скорее философской методологии, чем готового ответа на все вопросы. Этому же способствовало трехлетнее пребывание Дьюи в Японии и Китае (1919-1921), существенно повлиявшее, в частности, на его логические воззрения.

В области бихевиоризма важную роль сыграло сотрудничество Куайна с Берресом Фредериком Скиннером (1904-1990), в то время молодым гарвардским ученым, как и сам Куайн.

Но деятельность Куайна неправильно представлять как адаптацию идей Карнапа и логического позитивизма вообще к американской прагматической традиции. От первых

критических замечаний в адрес неопозитивизма до вполне целостной концепции, предложенной Куайном на рубеже 1940-1950 годов, прошло около пятнадцати лет. Куайн был одним из немногих систематических философов XX века. в своих работах он затрагивал основы фундаментальной философии - онтологию и эпистемологию.

Он понимал, что теория познания человеком мира теснейшим образом связана с теориями мира, или же бытия, или же с онтологиями. Структура мира предполагает структуру человеческого знания о нем, и, наоборот, совокупность нашего знания (в самом широком смысле слова) формирует тот образ мира, с которым мы будем соотносить дальнейшие познавательные усилия. Человек и мир являются существенными характеристиками друг друга.

Главным объектом критики для Куайна стал Карнап, влияние которого на Куайна трудно переоценить. В связи с этой критикой для нескольких поколений философов-аналитиков именно Карнап стал олицетворением всех ошибок, в которых Куайн обвинял не только логический эмпиризм, но и значительную часть философов прошлого.

Критические работы возникли из тесного взаимодействия с логическим эмпиризмом. во многом благодаря логическим эмпиристам недостатки классической эпистемологической программы стали очевидными. К сожалению, впоследствии именно неопозитивизм стал восприниматься как наиболее типичный образец собрания ошибок классической эпистемологии.

В 1930-1950 годах логический эмпиризм был ведущей философией науки. Куайн находился под его огромным влиянием, несмотря на произведенную критику, влияние логического эмпиризма сохраняется и сегодня, в виде специфического способа практикования философии и того огромного влияния, которое уделяется анализу науки и научной мысли. Осуществление обоснованной критики философии логического эмпиризма требовало от исследователей не только интеллектуального мужества и высокого профессионализма, но и способности предложить приемлемую программу последующих действий. Такая программа была предложена Куайном в его книге “С точки зрения логики”.

“Две догмы эмпиризма” сформировали облик современного эмпиризма. Согласно одной из них, существует фундаментальная пропасть между истинами аналитическими, основывающимися на значениях, независимых от фактического положения дел, и истинами синтетическими, целиком основывающимися на фактах. Вторая догма носит название редукционизма и заключается в уверенности, что каждое осмысленное высказывание эквивалентно некоторому логическому построению из терминов, которые отсылают к непосредственному опыту. Критика и последующий отказ от обеих догм, с точки зрения Куайна, приводит к стиранию границы между спекулятивной метафизикой и естественными науками, а также к смещению в сторону прагматизма.

Зачастую трудность в отделении аналитических высказываний от синтетических относится к неясностям обыденного языка. Кажется, что такую дистинкцию легче

провести тогда. когда мы имеем точный искусственный язык с развернутыми семантическими правилами. Но это является тоже заблуждением. Вместо обращения к непроясненному слову “*аналитический*” мы теперь обращаемся к такой же необъясненной фразе “*семантическое правило*”. Следовательно, понятие семантического правила становится релятивным к определенному исследовательскому предприятию.

Вообще истина зависит как от языка, так и от экстралингвистических факторов. Поэтому существует искушение сказать, что в аналитических высказываниях актуальная компонента должна быть нулевой. Однако, несмотря на всю свою априорную разумность, граница между аналитическими и синтетическими высказываниями так и не была проведена. *То, что такая дистинкция может быть проведена вообще, является неэмпирической догмой эмпиристов, метафизическим символом веры.*

Последним инструментом, с помощью которого эмпиристы все же надеются выделить аналитические высказывания, является принцип верификации. Исходя из него, аналитические высказывания - это тот ограниченный класс высказываний, которые подтверждаются всегда и во что бы то ни стало. Однако какова природа отношения между высказыванием и опытами, которые способствуют или препятствуют его подтверждению? Куайн возвращается к первому типу аналитических высказываний, которые избегали огня критики на протяжении всех предыдущих страниц. “Догмы” - высказывания, определяемые им в качестве “логических истин”. Согласно наиболее утонченной формулировке редукционизма, которая до сих пор продолжает оказывать влияние на эмпирическую философию, с каждым высказыванием, или же с каждым синтетическим высказыванием, ассоциируется уникальный ряд возможных чувственных событий, такой, что появление любого из них будет говорить в пользу истинности высказывания. Конечно, замечает Куайн, такое представление имплицитно присутствует в верификационистской теории значения. Куайн придерживается прямо противоположного подхода, возникшего из книги Карнапа “Логическая структура мира” о том, что *наши высказывания предстают перед трибуналом чувственного опыта не индивидуально, а лишь как совокупное целое.*

Куайн излагает собственную концепцию знания: *совокупность нашего так называемого знания или мнений, от наиболее случайных вопросов географии и истории до глубочайших законов атомной физики или даже чистой математики и логики, является созданными руками человека изделием, которое сталкивается с опытом только по краям.*

Вся наука представляет собой нечто похожее на силовое поле, чьими предельными состояниями является опыт.

Сами логические законы являются просто более дальними элементами поля, а вовсе не супернатуральными “данностями” или, тем более, сущностями. Взаимосвязанность элементов поля не является жестко детерминированной опытом, так что всегда остается достаточно широкий выбор относительно того, какие высказывания следует переоценивать в свет единичного противоположного опыта.

Таким образом, Куайн утверждает то, против чего решительно восставал Шлик в своей критике когеренционизма: *ни один частный опыт*, замечает Куайн, *не связан с какими-либо частными высказываниями внутри поля, кроме как непрямои связи через соображения равновесия, влияющих на поле в целом.*

Но Куайн в этом отношении оказывается уже весьма близок к Шлику, который также в вопросе о поиске базисных предложений говорил о своего рода принципе экономии, что *мы выбираем в качестве базисных предложений те, сохранение которых требует минимума изменений во всей системе предложений в целом, необходимых для того, чтобы избавиться от противоречий.*

Если точка зрения холизма правильна, было бы ошибочным говорить об эмпирическом содержании индивидуального высказывания, особенно если оно сколь-нибудь значительно отдалено от опытной периферии поля. Невозможным также оказывается отыскать границу между синтетическими и аналитическим высказываниями, так как любое высказывание может считаться аналитическим, если мы не предпримем достаточно решительные преобразования где-то в системе. Ни одно высказывание не имеет иммунитета к пересмотру. Пересмотр даже логического закона исключенного третьего был предложен как средство упрощения квантовой механики; и какое различие существует в принципе между таким сдвигом и сдвигом, в котором Кеплер сменил Птолемея, Эйнштейн Ньютона, Дарвин Аристотеля.

Концептуальная схема науки оказывается не более, чем *инструментом для предсказания будущего опыта в свете прошлого опыта.* Физически объекты, как, впрочем, и любые другие объекты, являются лишь мифом. набором удобных посредником для осуществления этой деятельности и в этом смысле ничем не отличаются от любых других типов объектов, например, богов Гомера. Различие между ними лишь в том, что миф физических объектов эпистемологически более всеобъемлющ в том, что он оказался более эффективным, чем другие мифы, механизмом внедрения управляемой структуры в поток опыта.

Выбор между различными концептуальными схемами в таком случае обусловлен лишь чисто прагматическим соображениями.

Эпистемологическая концепция холизма влечет важные последствия для онтологической теории. Вопрос о том, какую онтологию следует принять, остается открытым. Очевидным советом, говорит Куайн, здесь являются толерантность и дух экспериментаторства. Концептуальный релятивизм, предложенный Куайном, деструктивен лишь на первый взгляд. Отказ от эпистемологического монизма в виде идеи превосходства научной картины мира оказался действительно “освобождающим”. Хиллари Патнэм считает, что физикализм является одной из главных причин неудач в построении теории референции. Начиная с 17 века в нашей культуре существует тенденция принимать *физику в качестве нашей метафизики.* Физическая же возможность оценивалась как пробный камень всего, что может или могло происходить. Сам Куайн всегда открыто декларировал свою

приверженность физикалистской концептуальной схеме, потому, что *миф физических объектов оказался более эффективным, чем другие мифы, механизмом для внедрения управляемой структуры в поток опыта*. Отказ, а возможно лишение науки претензии на владение абсолютной истиной есть не проявление иррационализма, подрывающего основы цивилизации, а шаг на пути к признанию равноправия различных форм опыта. Надежда на то, что какой-нибудь единственный *образ, картина мира или концептуальный каркас* могут представлять нам *мир как он есть*, постепенно исчезает в прошлом.

Куайн отмечал, что язык - это социальное искусство. Когда мы учимся языку, мы вынуждены пользоваться исключительно intersubjectively доступными указаниями, которые подсказывают, что и когда следует сказать. Поэтому никоим образом не удастся обосновать сравнения языковых значений, кроме как в терминах человеческих диспозиций к отчетливым реакциям на общественно наблюдаемые стимулы. признав это ограничение можно заметить, что предприятие перевода отягощено некоей систематической неопределенностью.

Языковая теория копирования как основная установка классической теории познания, по словам Куайна, ответственна за формирование *некритической семантики*. Понять смысл этого термина помогает образ музея. Экспонаты, которые в нем выставляются - это значения, а слова - вывески на витринах. слова и значения совершенно независимы друг от друга. Чтобы переменить язык, достаточно просто сменить вывески. В критике такой точки зрения Куайн следует за Дьюи. Он отрицает этот *пагубный ментализм*, считая, что семантика человека не может быть детерминирована чем-то *внутри* его сознания, что не находило бы проявления в его поведении. Познание слова состоит из двух элементов. Во-первых, из понимания и способности воспроизвести его фонетическую часть, что имеет огромное значение для общения с другими людьми. Во-вторых, нужно еще понимать семантику собеседника, что речь идет именно об *этом* предмете. Таким образом, Куайн вместе с Дьюи утверждает, что значение - это свойство поведения.

Обращаясь к опыту изучения иностранного языка, легко заметить, что, пока мы стремимся переводить каждое единичное понятие своего родного языка в понятие изучаемого, вряд ли можно претендовать на владение этим языком. Куайн говорит о лингвистическом варианте редукционизма. и он оказывается прав в своей критике метафизического истолкования значения. **Язык обращается не к значениям, а к опыту.**

Куайн обращается к знаменитому примеру из индейского языка, связанному с выражением "*gavagai*". Нам никогда не удастся решить проблему понимания путем простой остенсии. То есть каждый раз используя вопросительную интонацию. когда кролик оказывается в поле нашего зрения. Куайн был убежден в том, что вся человеческая коммуникация строится на *гомофоническом правиле*. Наше восприятие слов основывается на звуковой идентификации; передается не смысл, а звучание слова. Значение слова создается слушающим на основании общественно принятых правил

пользования языком, преломленных через личный опыт общения. Весь наш словарь - это сеть терминов, предикатов и вспомогательных элементов. Он является нашей системой отсчета или координатной системой. В отношении к ней мы говорим и говорим осмысленно и определенно о кроликах и частях, числах и формулах. Референция является бессмысленной, если только она не релятивна (относительна, условна) определенной координатной сетке. В этом принципе релятивности лежит разрешение нашего затруднения.

Бессмысленно спрашивать, относятся ли наши понятия “кролик” или “часть кролика” в действительности к кролику или части кролика. Мы можем осмысленно спрашивать об этом только относительно некоего исходного языка. Однако вопрос о референции этого фонового языка неминуемо влечет нас в регресс оснований. На практике мы заканчиваем этот регресс быстро и добровольно, обращаясь к нашему родному языку и принимая его значения за “чистую монету”. Соответственно корректный и осмысленный вопрос об объектах, описываемых теорией, будет состоять в описании того, как одна теория объектов интерпретируется в другую, то есть в другой язык.

Онтология Куайна предусматривала выделение *внутренних* вопросов, в которых рассматривается существование определенного рода сущностей *внутри* каркаса, и *внешних* вопросов, в которых рассматривается существование всей системы сущностей как *целого*, на основании чего можно оценивать относительны достоинства теорий. Вопрос о ценности той или иной теории рассматривается не из пустого места, а с позиции уже имеющихся подходов или теорий. Точно так же, какие у нас основания считать *внутренние* вопросы, действительно относящимся к самим *фактам внутри* теории, если, перефразируя Блейка, каждый вопрос открывает бесконечность?

Поэтому считает Куайн, онтологические вопросы, взятые абсолютно, делают бессмысленной не универсальность, а циркулярность. Весьма близок к такой точке зрения и Нельсон Гудмен, который считал, что термин является неопределяемым в силу того, что он был выбран как элементарный. но термины, принятые в качестве элементарных в одной системе, вполне могут поддаваться определению в другой системе. Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни их единственно правильного выбора.

Но Гудмен сделал шаг к онтологическому плюрализму, которого не сделал Куайн. Здесь уместно вспомнить известный пример Фреге о “вечерней/утренней звезде”. Эти различные имена указывают на один и тот же физический объект, поэтому мы можем считать их имеющими одинаковое значение. Так считает Куайн, отрицая плодотворность использования семантики возможных миров. с другой точки зрения, если объект имеет различные имена, он может выполнять различные функции в возможно различных дискурсах. Логическим следствием этого будет признание того, что мы фактически имеем дело с различными объектами. Однако такой подход потребовал бы от Куайна отказа от реалистической установки, которую он последовательно разрабатывал на протяжении всей своей жизни.

Требование интерсубъективности делает наше мышление и науку объективными. Эмпирическую основу утверждений о мире составляют так называемые «предложения наблюдения». Развитие философии науки выявило ряд трудностей анализа понятия «наблюдения». **Виллард Куайн** связывал эти трудности с тем, что прояснение данного вопроса пытались вести путем перехода к понятию «наблюдаемого объекта». Однако надо различать непосредственное «восприятие внешнего мира» и понятие «объекта». Сам «объект» требует уже определенного языка обозначения, т. е. конкретного способа референции. Философия науки в XX веке установила «теоретическую нагруженность» терминов наблюдения, т. е. то, что казалось продуктом чистого наблюдения на деле зависит от теории. С точки зрения Куайна, все предложения, даже самые примитивные, являются теоретически нагруженными в определенном смысле. Но в другом смысле, даже самые сложные профессиональные предложения не являются таковыми. Будучи обусловлено ситуацией стимульного воздействия, любое предложение в целом является теоретически свободным. Если же смотреть на предложение аналитически, т. е. обращать внимание только на слова, из которых оно состоит, то оно, естественно, будет теоретически нагруженным.

Если рассматривать вопрос о принятии предложения любым свидетелем события, который владеет данным языком и обладает пятью органами чувств, то возможно ограничить сообщество людей, принимающих данное высказывание как предложение наблюдения. Существуют случаи достаточно сложных утверждений, которые соответствуют наблюдению только специалистов. В качестве примера можно привести неопишуемый запах некоторого редкого газа. Реакция профана будет примерно такой: «Чем-то воняет!» Профессионал способен идентифицировать данное химическое вещество по запаху.

Следует признать изменение «предложений наблюдения» в результате расширения сообщества. Можно также получить некоторый стандарт, учтя всех говорящих на данном языке, т. е. большинство сообщества. Критерием для определения причастности человека к данному сообществу является плавность диалога. Речь идет о принятии человеком ключевых слов данного сообщества, за которыми стоит некоторая совокупность идей. Чтобы стать членом сообщества необходимо осмысленно употреблять такие слова, вести по поводу идей компетентный диалог.

Критерий плавности диалога допускает градации: то, что очевидно для сообщества специалистов, не всегда совпадает с наблюдаемым в каком-то другом сообществе. В отношении предложений наблюдения не возникает трудностей с неопределенностью перевода. Сравнение одного языка с предложениями наблюдения другого языка является вопросом эмпирического обобщения. А это – вопрос тождества между областями стимулов. «Предложения наблюдения» становятся краеугольным камнем семантики сохраняют свои функции в философии науки.

Обобщенным выражением ожидания следствий является языковая конструкция «как только...так сразу» или «если...то». Например, если мы хотим обобщить случай, выраженный предложением «эта речная ива наклоняется к воде», на все речные ивы, то логически корректно применяем конструкцию «как только речная ива, так сразу наклоняется к воде». Такие конструкции **Куайн** называл «*категориалами наблюдения*». Фактически это – специфическая форма обобщения наблюдений, сыгравшая огромную роль в эволюции языка.

Категориалы наблюдения, по мнению **Куайна**, выступают ключевыми понятиями в теории познания, философии языка и философии науки. В эпистемологии «категориалы наблюдения» предстают в качестве миниатюрных теорий. Это – первые «теории» о внешнем мире, которые создало человечество, а также осваивает каждый ребенок. Такие «теории» возникают в результате непосредственного наблюдения окружающего мира. Они постоянно совершенствуются и позволяют успешно предсказывать будущие наблюдения, что имеет важное приспособительное значение для человека. Философия науки изучает этап создания развитых научных теорий. С помощью категориалов наблюдения осуществляется проверка теоретических построений науки. Проверка осуществляется с помощью вывода категориала из теории с последующей проверкой самого категориала. Если категориал не выдерживает эмпирической проверки, то и сама теория считается ненадежной.

Логический прием «modus tollens» устанавливает ложность гипотезы по ложности всех ее следствий. Это означает, что сколько бы примеров не подтверждало данную гипотезу, невозможно окончательно доказать ее с их помощью. Ее можно только окончательно опровергнуть (фальсифицировать). **Куайн** допускал возможность положительного исхода проверки. Успешная проверка не доказывает окончательно истинность теории, но теория может быть принята до того момента, пока не встанет вопрос о новой проверке.

Сам категориал проверяется парой наблюдений, что обусловлено его структурой. Его нельзя убедительно подтвердить наблюдениями, согласующимися с ним, но можно опровергнуть положительным и отрицательным наблюдениями. **Куайн** в качестве примера приводит наблюдение речной ивы, клонящейся не к воде, а к берегу.

Связь эмпирического и теоретического уровней познания породила определенную трудность в ее истолковании. Возник вопрос: диктуют ли факты вполне однозначную формулировку теорий, на основе которых истолковывается природа самих фактов.

Обе концепции могут быть согласованы со всеми возможными наблюдениями, т. е. они эмпирически эквивалентны. Но теория конечного сферического пространства существенно использует понятие «центра сферы», для которого нет эквивалента в теории бесконечного пространства. В этом случае невозможно преобразование одной концепции в другую путем интерпретации предложений. Возможны два варианта отношений между конкурирующими теориями, т. е. «системами мира»:

одна из теорий менее проста и естественна. Чем другая. Тогда все предложения более сложной теории отбрасываются как избыточные, т. е. бессмысленные. Они ничего не добавляют к тому, о чем говорит более простая теория. Здесь имеет место вторжение в стандарты истины, т. к. «простота» и «естественность» играют роль в различении. Был сформулирован тезис, вошедший в традицию под названием **тезиса Дюгема-Куайна**: научная гипотеза не может быть ни окончательно верифицирована, ни окончательно фальсифицирована. Ее всегда можно скорректировать так, чтобы она соответствовала эмпирическим фактам.